

Литературы Кыргызстана в современных геополитических и историко-культурных условиях: русский дискурс

Бахтияр Койчуев¹

¹ Зав. кафедрой истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского Университета, кандидат филологических наук, доцент. Научные интересы: история центральноазиатской литературы, диалог восточной и русской литератур, современный литературный процесс Кыргызстана.

Основные публикации:

Меж двух родин, меж двух чужбин // Литературный Кыргызстан. 2013.–№ 2; Центральноазиатская литература как многонациональный контекст: история русского дискурса (от древности к XXI веку). Бишкек: КРСУ, 2010; «Персидские мотивы» С.А. Есенина: диалог культур. Бишкек: КРСУ, 2011; Койчуев. Б.Т. Искать пути сближения // Литературный Кыргызстан. 2010. № 2.; Русская литература Кыргызстана начала века как зеркало социального и духовно-нравственного состояния общества (статья – М.: МГУ, 2009); Русский дискурс центральноазиатской литературы как отражение стадийного развития искусства слова // В краю далёком. Роль СМИ в освещении внешней политики России по отношению к соотечественникам. – Москва – Бишкек: КРСУ, 2010; Койчуев. Б.Т. На поэтической волне: русская поэзия Кыргызстана в 2008 – 2009 годах // Помни имя своё: журналистика и литература в освоении культурной и национальной идентификации. – Бишкек – Москва, 2010; Мотив памятника в мировой литературе // Современная литература в меняющемся мире. Ереван, 2010; Russian Literature in Kyrgyzstan at the Beginning of the 21st Century: A Reflection of the Social, Spiritual, and Moral State of Society By Bakhtiyar Turarovich Koichuyev English Translation by Holly E. Myers// VESTNIK, THE JOURNAL OF RUSSIAN AND; Художественная эволюция Ч. Айтматова – романиста.Международный семинар памяти Чингиза Айтматова: От социалистического реализма к глобальному гуманизму. – Нью Дели: Центр русских исследований университета им. Джавахарлала Неру, 2009; Идеино-эстетические поиски литературы Кыргызстана конца XX – начала XXI веков ООН в зеркале СМИ.– Бишкек–Нью-Йорк. – 2007; Библейские мотивы в романах М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Ч. Айтматова «Плаха» // Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана: Труды института мировой культуры. – Бишкек-Лейпциг: Илим, 2003; Thornton Wilder’s Novels: The Problem of Genre Thornton Wilder: Theplanetary mind. – Bishkek, 1999; Пушкиниана в Кыргызстане. Информационно-аналитический очерк (В соавторстве с Д. Давлетбаковой). – Бишкек, 1999.

Электронная почта sufibah@mail.ru

Введение

Изменения социально-политической и этнической картины общественной жизни рубежа XX – XXI веков привели к трансформации культурной жизни Кыргызстана. В законодательном плане все народы Кыргызстана имеют равные права и возможности. Одним из основных провозглашаемых идеологических лозунгов государственной политики было утверждение «Кыргызстан – наш общий дом». Вместе с тем реалии социально-экономической жизни привели к изменению этнической структуры Кыргызстана. Некогда занимавшие второе место по численности населения русские сегодня находятся на третьей позиции. К количественному показателю возможно добавить и качественную характеристику. В большей своей части покинули Кыргызстан наиболее активные, востребованные и трудоспособные представители русского этноса. Особенно ощутимы потери русскоязычного населения в отдалённых регионах Кыргызстана, что привело к переходу от киргизско-русского двуязычия к функционированию одного языка. Потеря языковой среды способствовала падению уровня владения русским языком у коренного населения. Данные факторы оказывают определённое влияние на функционирование русской литературы в Кыргызстане, её место в духовной жизни народов. Русская культура, являющаяся одним из формообразующих элементов современной национальной духовной жизни кыргызского народа, пока ещё занимает важное место в общественной жизни. Свидетельством тому может являться русскоязычная литература Кыргызстана, функционирование русского слова в республике. Оно уже не способно, как некогда, определять векторы развития национальной культуры, но по-прежнему может отображать реалии современной жизни, поиски ценностных ориентиров во времена перемен.

Представляется очевидным, что собственно национальный нарратив литературы того или иного народа отличается от его дискурса на другом языке.

В литературоведческих определениях дискурса подчёркивается, что это речь, всегда ограниченная определённым контекстом, условиями её существования, мировоззрением говорящего.

В данной работе под дискурсом понимается художественный текст как акт коммуникации, выражающий авторское мирозерцание, архетипические национальные образы мировидения в определённом историко-культурном и мировоззренческом контексте, так и интерпретацию переводчиков и читателей различных культурных парадигм.

В статье проводится *обзор и характеристика* функционирования литературы Кыргызстана на русском языке в историко-культурном контексте рубежа XX – XXI вв.

Выражение мироощущения эпохи в художественном мире поэтов Кыргызстана

Процесс взаимодействия различных культур приводит к возникновению феноменов, рождённых на стыке эпох и культур.

Показательно, что в творчестве современных русских поэтов Кыргызстана центральноазиатская культура не осмысливается как чужая, они живут в данной этнорегиональной и эстетической традиции, которая стала частью их мироощущения. Поэтическое сознание русских поэтов Кыргызстана, пусть и не без противоречий, переплавляет поэтическую «руду» эпох и культур, выражает личностное мироощущение Поэта, заброшенного в евразийский простор в эпоху глобализации и существенных общественно-культурных сдвигов. Показательно в этом отношении творчество В. Шаповалова, С. Сусловой, А. Никитенко – наиболее ярких русских поэтов Кыргызстана рубежа XX – XXI столетий.

Переводческая деятельность и оригинальное творчество писателей в том виде, в котором оно предстаёт перед читателями, могло сформироваться только в «азиатском круге» (название главы из книги В. Шаповалова «Заложник»), в котором даже традиционный сонет принимает «причудливую» содержательную форму.

Чадящие лики шумера,
берцовые кости омара
хайама. Царица тамара
с котлом. Юрты горняя сфера.

Гомеровская химера –
осенним распадком отара,
окутана облаком пара,
грядёт, словно высшая мера.

Всё это – киргизская лира,
сплав бедного палеолита
с латиницею алфавита,

оплёванная пальмира,
где в зеркале видно полмира,
а прочее – смертно и скрыто.

Данное произведение посвящено неординарному кыргызскому литературоведу Салиджану Джигитову, чья научная деятельность была направлена, кроме всего прочего, на изучение становления и развития кыргызской литературы, её взаимодействия с родственными тюркоязычными литературами и русской культурой.

В творчестве В.И. Шаповалова ретроспективно можно обозреть историю литературы и литературоведения Кыргызстана.

С приобретением независимости в Кыргызстане произошёл своеобразный ренессанс идеологического и научного интереса к древним и классическим образцам тюркоязычной литературы, осмысляемой сквозь призму народного мирозерцания, культуры и национальной идеологии. В.И. Шаповалов как учёный, поэт и общественный деятель способствовал этому процессу.

История кыргызского народа, воплощённая в форме эпического предания «Манас», вхождение эпоса в мировую культуру посредством художественных переводов стало одной из составляющих научных интересов В.И. Шаповалова. В «Контекстах переводов» учёный показал, «как от академиков-ориенталистов материал переходит к профессиональным литературным переводчикам – и вновь возвращается в академическую среду интерпретации и перевода. Можно увидеть, как смещается и география работы над эпосом: от Кыргызстана в имперские столицы – и вновь возвращается на родину Манаса»².

Выражение авторского видения эпического сознания народов, рождение личностного поэтического сознания героя нашли своё воплощение в поэме «Рождение манасчи». В художественной ткани произведения явственно проступает научная концепция учёного и поэта, осмысляющего этапы эволюции художественного сознания кыргызского народа в контексте мировой культуры.

Кто вы, вошедшие в мой дом ночью?

Кто вы, сошедшиеся в круг?

Если вы тюрки эпохи тенгрианства,

если вы славяне эпохи проснувшегося Рима,

если вы готы времён испепелённого Карфагена,

о чём мы станем говорить...

Располагайтесь же во времени и в пространстве,

я рад, что вы здесь.

Лунный свет отразится в глазах,

видевших аккадское солнце и кельтские дебри,

бронзу Скамандра и жёлтое пламя пирамид,

журавлиную степь, поминальную степь,

полнотравную степь –

² Шаповалов, 2004, с. 26.

поле тризны по Кокетею.

Стадиальные пласты развития поэтического сознания представлены в поэме строками, посвящёнными манасчи Саякбаю и Сагымбаю – носителям и творцам народно-поэтического сознания; первому тюркоязычному учёному-лингвисту Махмуду ал Кашгари, представившему в «Собрании тюркских наречий» образцы народной и авторской тюркоязычной письменности; Токтогулу – представителю акынской поэзии, в которой пробуждается индивидуальное авторское сознание и в которой видятся уже проблески литературного письменного профессионального творчества; апологией новейшей истории становится творчество Алыкула Осмонова.

Под поэтическими строками лежит глубокая научная основа, концепция развития поэтического слова на исторических перекрёстках и во вдохновении творческого сознания и личностной судьбы поэтов-творцов.

Художественные переводы кыргызской литературы, осуществлённые В.И. Шаповаловым, не только расширяют круг знакомства читателей с национальной литературой, но и выражают тенденции развития культуры XX столетия. В переводе лиро-эпической поэмы Касыма Тыныстанова «Джаныл-мырза» выразился на русском языке факт становления литературы нового типа – личностно-профессиональной.

Сборник «Стихов Касыма», стоящий у истоков профессиональной кыргызской литературы, благодаря усилиям В.И. Шаповалова увидел свет на русском языке и сразу же стал библиографической редкостью.

Художественная национальная литература накануне XXI столетия нашла своё литературно-критическое исследование в статье «Касым Тыныстанов как зеркало культурной революции». Выводы, к которым приходит В.И. Шаповалов, достаточно пессимистичны: «В отсутствии интереса и какого-то, скажем, гражданского самопожертвования в отношении к национальному литературному наследию сегодня (судьба Тыныстанова), к выходу этого наследия на многонациональные мировые орбиты (судьба творчества Тыныстанова в неизданных русских переводах), в связанном с этим стагнационном состоянии чрезмерно политизированной и лишённой возможности издания литературы (и кыргызоязычной, и русскоязычной) мне видится безотрадное будущее. Во всяком случае, русская литература Кыргызстана сегодня фактически не существует, а её скорая и такая серенькая смерть показывает, во-первых, что культуру легко задуть – надо только лишить её воздуха, и, во-вторых, что монокультура – тоже нежизнеспособный организм. Я думаю, что и кыргызская литература пройдёт через мучительное состояние безвременья и умирания, прежде чем возродится к жизни – но уже в других поколениях, в другой истории, с другим нравственным опытом»³.

Ощущение кризиса культуры в тисках глобализации и прагматизма постиндустриальной цивилизации сквозит в оригинальном творчестве В.И. Шаповалова. В его поэзии на изломе тысячелетий достоверно и художественно, цинично и психологически глубоко предстают реалии жизни, трагическим пафосом окрашивается апокалипсис рубежа тысячелетий, и ностальгические грёзы о былом туманят взгляд.

Скрижали сотрутся.

И гордые годы о морок запнутся,

А губы ещё улыбнутся,

³ Шаповалов, 2001, с. 62–69.

Не ведая:

Рушится дом.

Что ж, медиумы, уйдём? –

Ведь прошлое – блюдо, ледок со стеклом...

Во вступительной статье Ч. Айтматова и С. Липкина к изданию избранных произведений В.И. Шаповалова отмечается: «Сегодня говорить об этой книге – значит говорить обо всей поэзии Вячеслава Шаповалова, настолько точно он нанёс на белый лист под одной обложкой всю линию своей поэтической жизни. Эта книга о нём, но куда больше – о беззащитном старении культуры XX века. И то, что поэзия наполнена реалиями совершенно иного мира, упрятого за высокими горами, ещё более резко оттеняет её смыслы: наверное, это своеобразный плач по культуре»⁴.

Реквием по увядающей традиционной культуре в поэзии В.И. Шаповалова звучит мощно и полифонично. В ярких поэтических образах и формах писатель выразил мироощущение человека, «идущего по кромочке, нагим, между добром и злом», раздираемого Богом и Дьяволом и ищущего истину и выход в поэтическом Слове.

Поэт драматически ощущает свою оторванность от исторической родины, но в его поэзии нет провинциализма, он открыт всему поэтическому миру, творя свою судьбу на евразийском просторе.

В аннотации к книге стихов В. Шаповалова «Чужой алтарь», увидевшей свет в 2011 году, читаем: «Человек на изломе тысячелетий теряющий свой дом, отечество, веру, силы, изгнанный из рая за чужие грехи – основной герой и сюжет этой книге. В настоящем для него искажён облик будущего. Россия, Киргизия – географические символы утраты родины, и этим чувством пронизано творчество русского поэта на Востоке»⁵.

Книга состоит из двух частей: «Парк тюркского периода» и «Век Безъязычья», – прочерчивающих основную сюжетную линию и авторскую художественную концепцию.

«Сплав киргизского мира с кириллицей алфавита» и бодлеровской душой ностальгический и элегический, драматический и лирический взращён в «Парке тюркского периода», «где в зеркале видно полмира, а прочее – смертно и скрыто».

Художественный мир В. Шаповалова – поэта и учёного интертекстуален, поскольку впитал в себя традиции мировой литературы, прежде всего западноевропейской, русской и тюркоязычной, и вместе с тем глубоко индивидуализирован, выражая драматизм мироощущения поэта, творящего на стыке этносоциальных культур (Восток и Запад; Россия и Кыргызстан) и разломе эпох.

Сложный и драматичный процесс вхождения («дорогу в полмира») российской культуры в «азиатский круг» («Полумесяц и крест над плечом») представлен в стихотворениях «Пржевальский», «Eхegi monumentum» (Памяти переводчиков), «Etnographica», «Русская Троя», «У памятника Семёнову-Тянь-Шанскому», «Русский след», поэме-реквиеме «русскому паломничеству в Киргизии «Вечерний звон», ...Край этой «дороги» видится драматический:

Эпоха исхода:

народы уходят –

⁴ Айтматов, Липкин, 2003, с. 7–8.

⁵ Шаповалов, 2011.

чтоб не встречаться вновь.

Русский исход на историческую Родину отображён в стихотворениях «Русская Троя», «Недоиммигрант», «Вечер поэзии в доме отдыха»:

А Россия, хранима в сердцах,
неспроста соловьём запекает,
о разбросанных в мире птенцах,
как кукушка легко забывает.

Мы виновны ль, коль гнезда тесны,
Коль язык нам дарован для пенья
Далеко от родимой страны?

Древняя История как контрапункт культуры сквозь мироощущения человека эпохи постмодернизма представлена в стихотворениях «Рождество в Вифлееме», «Рождество в Таш-Рабате», «На развалинах храма Артемиды».

«Имперской элегией» звучит плач о Ч. Айтматове – герое «Железного века» – Века Двадцатого (вспоминается концепция Гесиода в его «Трудах и днях», для которого его век был «железным», пришедшим на смену благодатному прошлому):

Железного века ветра пролетают, пронизывая! –
Он, сын Ала-Тоо, прошёл по планете и вечности,
За космосом чуждым он молча провидел Киргизию,
В реченьях далёких он близкое слышал отечество.

Шесть сонетов посвящает В. Шаповалов Бахыту Кенжееву – поэту-диссиденту и эмигранту – с символическим заголовком «Акын Исламбек сложил эту песнь, покидая степь Сары Арка». «Золотое ожерелье голодной степи» выражается раздираемым сознанием лирического героя:

те же телеги на коих пришли из россии
скрип колёс плач комуза туман из ложбин
меж двух родин теперь уже меж двух чужбин
чужеродные замыслы заморосили

В книгу стихов В. Шаповалов включил и свои переводческие импровизации: «Старинные врата (Из Любена Любенова)», «Тюркское слово (Из Махмуда Хуссейна аль Кашигари (Барскани))», «Песня лужицы (Из Рамиса Рыскулова)», «Осенняя песня» (Из Поля Верлена), «Из Николь дё Поншарра»... – соответствующие элегически-драматическому пафосу «Чужого алтаря».

злая гроза
глянет в глаза
час означает
прошлым дыша,
гаснет душа
молча плачет

(Из Поль Верлена)

Хронотоп «Кругосветки» В. Шаповалова объемлет века и различные страны на интертекстуальном базисе мировой поэзии. «Пьяный корабль» А. Рембо выразил эпоху декаданса конца XIX века, представленную французскими символистами Поль Верленом, А. Рембо, С. Малларме, чьё влияние весьма ощутимо в поэтическом мире В. Шаповалова, мироощущение которого на новом витке истории выражает эпоху «нового» декаданса (постмодернизма) рубежа XX – XIX веков:

Время бродит в пространстве, шурша черепами столетий,
Средь несчётных миров.
Божий бедный, какое безлюдье!..

«Лики Азии» предстают в биоэтносферической архитектонике стихотворений в контексте истории. Поэтический историзм В. Шаповалова базируется на культурологической основе артефактов Востока и Запада, социальных реалий «железного века», но видится поэту глубже: при-родовая вневременная суть человека; дионисийско-апполоновское начало экстаза и созерцания, Жизни и Смерти – прорываются в стихах сквозь социальную оболочку земного бытования.

Современность в стихах «Ода цветным революциям», «Государственное танго», «Хроника культурной жизни», «Киргизский дискурс. 2010», «Сонет 666» освещается словами-красками сатирического пафоса, порой переходящего на саркастический «оскал»:

Обрыдло жить – без прав, зато в долгах,
Мостить пути сановному дерьму,
Беречь и красть, за совесть и за страх –
И родиную называть тюрьму.

Вторая часть книги «Век безъязычия» носит лирико-автобиографический характер. Показательно, что многие стихи, включённые в неё с посвящением тем, кто сыграл значительную роль в творческой судьбе поэта – М.Л. Гаспарову, Л.А. Шейману, Е.К. Озмилею, Андрею Вознесенскому, Светлане Сусловой, Александру Никитенко, Анэсу Зарифьяну, фрунзенским поэтам прошлого столетия.

Поэт продолжает честный разговор о человеческой природе, пессимистических перспективах Homo sapiens, выражающийся в риторических воззваниях к Всевышнему, в блестяще стилизованных поэтических молитвах у «Чужого алтаря»:

Господи воля Твоя
неотвратимый Твой лик
познаем истину книг отшатнувшись от них
коли велишь Ты велик
«чужому алтарю отдай молитву твою
В грааль чужой излей пламя крови твоей
Кривды их распрями муки за них прими
Ибо в тени теснин всяк из вас Божий сын
В толпе средь многих один»

«Дорога» «от озаренья души к пустоте мироздания» выражается в философской лирике, с её основным мотивом бренности земного бытия, ностальгии по ушедшему и несбывшемуся...

Мироощущению поэта находит выражение в разнообразных художественных формах: сонет, элегия (плачь, поэтический некролог) реквием, романс, песня – всё подвластно руке мастера. В. Шаповалов предпочитает длинную строку, своеобразный поэтический «поток сознания», в котором нарушается, мешающий ему, нормативный синтаксис.

Книга стихов «Чужой алтарь» создана рукой многоопытного «мастера – каменотёса», ваяющего из словесной руды монумент-стихотворение, звучащее тревожно-пессимистичным звоном донновско-бродского колокола: «Не спрашивай по ком звонит колокол, ибо он звонит по тебе». Тверда рука мастера, только взгляд становится жёстче, а сердце болит сильнее от невозвратных потерь «парка тюркского периода» и несбывшихся надежд в «век безъязычия». Остаётся одно: выше поднимать руку, сильнее бить по наковальне слов, чтоб тревожить набатом извечное небо в тщетном поиске смысла жизни, продолжать свой краткий спор с Богом...

Философско-медиативные традиции восточной, прежде всего центральноазиатской, поэзии, суфийские образы и символы получают новое звучание в поэзии С. Сусловой.

Синтез восточных и западных идейно-эстетических традиций осмысления действительности характерен для книги С. Сусловой «Молчание рыб»:

Пусть Запад тешит разум Колизеями.

Восток – реки текучая душа.

Философски насыщенная книга (именно целостная книга, а не сборник стихотворений!) в убедительной художественной форме освещает грани и мгновения бытия:

...Всё, что придумано в мире, имеет начало.

Что не придумано, то не имеет конца...

Тысячелетняя Рыба плыла и молчала.

Тайна прекрасна. Она сотворила Творца.

О мире А. Пушкина и М. Лермонтова, П. Верлена и А. Рембо; мистическом пути поэтов-суфиев; любви, вере, ожиданиях и надежде, тревогах и разочарованиях; глубинах мироздания расскажет музыка слов поэта, надо лишь только уловить и понять, о чём «молчат рыбы».

Для художественного мира С. Суловой характерно интуитивно-мистическое отношение к миру, природе художественного творчества. Мировоззрение, которое в советскую эпоху было просто невозможно выразить на публике. Однако в творческой практике С. Суловой оно находило своё выражение в подтекстах и символах. Главное же, что отличает художественный дискурс центральноазиатской литературы С. Суловой от ориентальной поэзии русских поэтов, творивших на исторической родине, за пределами восточного региона, это особое отношение к литературе Востока. В данном случае она органическая часть души и поэтического мира поэта.

В книгу «Акварели осеннего неба» С. Сулова включила стихотворения, которые издателями были сняты по цензурным соображениям, а «те, что были опубликованы в более поздних сборниках, возвращены в годы их создания и даны в изначальной редакции»⁶. Обращаясь к читателям, издатели книги отмечают: «Размышляющий читатель, к которому обращена эта поэтическая исповедь, сможет зримо представить портрет «времени перемен», написанный в акварельных тонах – без осуждения и восхваления. Точным поэтическим языком автор передаёт все тонкости исторического перелома, его влияние на человеческую психологию»⁷.

Соборность поэтического мира С. Суловой, вбирающего в себя религиозно-философские поиски человечества на земном пути, культурные и эстетические достижения различных народов и эпох, придаёт её произведениям особую философскую глубину:

Знак человека видится в соцветьях –
Пять лепестков! Природа на виду
Раскрыла тайну тысячи столетий –
Реинкарнаций суть...
У вишен, груш
Бессчётно звёзд на каждой ветке тонкой.
Воскресло б столько в тьму ушедших душ –
Что с ними делать стали бы потомки?
Как разглядеть в мерцании цветов
Гомера, Гейне, Пушкина, Хафиза?..
...Вот слепок, отраженье парадиза,
Где нет плодов, что мир вкусить готов.

Показательным для выражения художественного мира С. Суловой является стихотворение «Эй, Сорбон». В качестве своеобразной точки отсчёта и лейтмотива произведения С. Сулова взяла известную газель Саади «Эй, караванщик, замедли ход!» / С милой душа моя тоже уйдёт...». Лирический герой стихотворения медитативно осмысляет жизнь в неумолимом течении времени:

⁶ Сулова, 2009. с. 7.

⁷ Там же.

Караванщик стегает коней –
Жизнь вращается спицами дней.
Словно пленница в коробе лет,
Оглянуться не смею в ответ:
Там душа моя, древний поэт,
Плачет, рвётся за мною вослед...

В этих строках можно уловить буддийский мотив колеса сансары. Обращение к самой знаменитой газели Саади «Эй, караванщик...» придаёт стихотворению С. Суловой особую философско-психологическую глубину, позволяющую прикоснуться в поэтическом порыве к первоосновам человеческого бытия.

Жанр газели нередко сравнивают с бриллиантом, отливающим на свету различными гранями. Одна из характерных особенностей газели – это своеобразная многослойность. Каждый бейт газели зачастую носит законченную мысль. С. Сулова, используя возможности жанра и образно-символические традиции классической восточной поэзии, интерпретируя их в контексте современной эпохи, придаёт своим творениям полифоническое звучание и философскую глубину.

Саади через десять веков
Не ослабил звенящих оков.
Караван затерялся в песках.
Только голос не гаснет в веках,
Голос, мною любимый до слёз,
Душу ранит падением звезд:

*– Не спеши, Караванщик, прошу,
Ведь любовь в своём сердце ношу –
Целый мир умечаю в груди,
Не губи этот мир, подожди!
Караванщик, замедли ход!
Жизнь моя с караваном уйдёт...
Вслед любви, ускользнувшей в вечность,
Мир взметнётся песчаным смерчем.*

В 2010 г. С. Сулова издала лирическую повесть «Предрассветный полёт стрекозы» с ярко выраженным автобиографическим началом, в котором весьма ощутим мистико-символистский «подтекст» судьбы лирической героини.

Повесть представляет прозо-метрическое произведение, в котором событийный ряд излагается прозаическим слогом, а эмоционально-символическое значение выражается ритмической речью.

Заметим, что традиции подобной прозы имеют достаточно давние традиции в восточной литературе, в частности в древнеиндийском романе Дандина «Приключения десяти принцев», японских повестей эпохи Хейан «Исэ-моногатари» и «Записок у изголовья» и в центральноазиатском жанре садж, хрестоматийным образцом которого является «Гулистан» Саади.

Содержание книги представляет художественную семейную хронику в форме лирического дневника на фоне широкого контекста исторического полотна, осмысляемого в эмоционально-мистической символике философско-эстетических учений Востока.

С. Сулова и В. Шаповалов – известные в Кыргызстане поэты, состоявшиеся ещё в советскую эпоху, во второй половине XX века. К этой плеяде поэтов относится и А. Никитенко, выпустивший в 2006 году сборники стихотворений «Зимняя радуга» и «Переворачивая мир». Второй сборник отметим особо, он представляет собой уникальное издание палиндромов, включающее в себя наряду со стихотворениями и поэмами авторский алфавитный словарь данного достаточно редкого в современной литературе жанра.

Сборник стихотворений А. Никитенко «Зимняя радуга» в многоцветной идейно-жанровой палитре поэтического слова повествует о буднях социального бытования, перипетиях судеб и устремлениях творческой мысли и души в студёной земной дороге человека, озаряемой радугой творческого вдохновения.

Разрыв эпох, прошедший сквозь душу поэта, «опалённого огнём неземным», запечатлён в книге А. Никитенко «Разрыв»:

Не разбудишь возвышенным слогом –
хоть распни себя как иудей –
эту землю, забытую Богом,
этих небо проспавших людей.

Но глаголю, и виждю, и внемлю.

Оставаться не вправе немым
кто с небес опустился на землю,
опалённый огнём неземным.

Данное стихотворение характерно для творчества А. Никитенко. Не случайно первая глава книги носит название по последней строке стихотворения: «Опалённый огнём неземным». Для произведений А. Никитенко характерен социально-критический пафос, продолжающий гуманистические и эстетические традиции русской классической литературы XIX–XX веков. Показательна в этом отношении мини-поэма «Двадцать четыре», являющаяся поэтическим откликом на исторические события 24 марта 2005 года, завершившиеся сменой политической власти в Кыргызской Республике.

В третьей части книги А. Никитенко продолжает поэтические изыски в «Зоне палиндромона», расширяя её за счёт освоения в данной форме традиционных жанров мировой литературы: здесь он является сегодня, по-видимому, одним из лучших мастеров этого редкостного жанра. Так, представляет несомненный интерес рифмованный сонет «Себе небес», посвящённый поэту Евгению Колесникову.

Себе небес

Сонет Евгению Колесникову

Амина рано как она ранима,
ан, Женя нежен, нежен, я нежна.
А мир зиял и лил ил: я из Рима.
А не жена, мадам, а не жена.

А Женя нежен. Как не Женя, нежа,
но нежен он. Как? Как? Но нежен он.
А же венец? А мама: це, невежа,
Но и пион лимонномил, но и пион.

А был улыба, нежа жен, а был улыба.
Абы рыбак-от тут как тут, то кабы рыба!
Себе небес зови, и воз себе небес.

Абы дела да девовед! А далее – дыба.
А был глыбаст (а дама: да, тс...А был глыба!).
Се лес, и тёмен, нем. Ети: се лес.

В сборнике стихов А. Никитенко «Нестабильность» ощущается усиление философско-медиативного начала, особенно характерного для пейзажной лирики:

Скосили травы – сено тонким слоем
Поверх стерни пестреет у ручья
И пахнет терпким мёдом, ярким зноем
и краткостью земного бытия.

Ностальгические мотивы по прошлому, уходящему миру культуры, остро критическое отношение к реалиям социальной жизни всё более бескомпромиссно звучат в стихотворениях А. Никитенко – поэта, не боящегося показывать свою тенденциозность.

Где ты, прежняя наша культура?
Нынче, глядя бесстыдно в упор,
Оголтелая хлещет халтура
Изо всех новоявленных нор.

Ощущение кризиса, «заката культуры» в блеске «золотого тельца» наступающего времени доминирует в новом сборнике с говорящим названием «Нестабильность».

А. Никитенко – один из самых «плодовитых» поэтов Кыргызстана. В 2011 г. им изданы два поэтических сборника: «SMS» и «Чёрный ящик», в которых поэт остаётся верен своей музе, подтверждая репутацию тенденциозного социального поэта, последовательно следующего традициям русской поэтической культуры. Показательна в этом отношении книга «Чёрный ящик», замысел которой родился, по словам поэта из стихотворения, открывающего сборник.

Что посеете, то обрящете.
Я летел на свою звезду.
Мои строчки – чёрные ящики.
Когда рухну – в них к вам приду.
И в накале духовной сшибки
Неизведанное любя,
Вы учтёте мои ошибки.
Вы прочтёте самих себя.

Программным для творчества А. Никитенко является стихотворение «Мой голос», в котором поэт декларирует свою приверженность поэтическим традициям, очерчивая круг имен, формировавших творческое сознание поэта:

Я Евтушенко, Смеляков, Твардовский,
Есенин, Мандельштам и Маяковский,
Жигулин, Вознесенский и Рубцов,
Некрасов, Баратынский, Фет, Кольцов,
Уитмен, Рильке, Лорка и Неруда!
И фрунзенских поэтов – Аксельруда,
Колесникова – принял я черты,
мой рот орёт, когда орут их рты!
Я Заболоцкий, Пастернак, Светлов,
Ахматова и Белла Ахмадулина,
есть даже дух Рыгора Бородулина,
Олжаса Сулейменова во мне,
Абая, Навои и Токтогула...

Я – синтез поэтических имён,
живой, а не духовная могила.

Духовная связь с классической традицией проявляется и на уровне поэтики стихотворений, в которых поэтический дискурс современности раскрывается в интертекстуальных отношениях с поэзией прошлого, что, вообще, является характерной чертой культуры постмодернизма.

Поэтические горизонты «Чёрного ящика» структурно очерчены названием глав: 1. «Привкус неба на бранных губах»; 2. Откуда родом я навек; Книга молчания.

Медитативная поэзия, созерцающая мир сквозь призму лирического мироощущения, и ностальгия по ушедшей молодости, покинутой «малой родине» и потерянной большой стране составляют суть художественного мира книги «Чёрный ящик».

«Возлеесенинская» интонация проявляется в стихотворениях, посвящённых родным пенатам:

Дома – я видел и повыше.

Но почему всего милей

Мне эти вымокшие крыши

И мётлы голых тополей?

А. Никитенко присущ особый вкус к слову, его музыкальному звучанию, проявляющемуся в ассонансах и аллитерациях, художественных повторах, удачно подобранных рифмах, в том числе и внутренних.

После поездов и теплоходов,

После самолётов и машин

Почему-то тяга не проходит

К тишине – к тишишайшей из тишин.

Слышно здесь,

Как кровь шуршит по венам.

Тишина колышет камыши.

О высоком, необыкновенном

Думы в эту пору хороши.

Когда поэту не хватает слов, он обращается к визуальной поэзии, гипертрофированным выражением которой стала «Книга молчания», венчающая издание «Чёрный ящик». Вспомним строки А. Макаревича: «Молчание – начало всех начал».

Сборник стихов «Чёрный ящик» лиричен и автобиографичен, если не сказать: исповедален. Культурный кризис рубежа тысячелетий осмысливается поэтом как личная драма:

Без прежней цели, без духовных братьев

Я по чужой обочине побрёл.

Свою былую родину утратив,

Другой такой я больше не обрёл.

Вышеуказанные черты творчества А. Никитенко нашли своё воплощение в новых книгах «Я бета тебя» и «Небо в нас самих», изданных в 2014 году.

Поэтические произведения русских поэтов Кыргызстана С. Суловой, А. Никитенко, В. Шаповалова свидетельствуют о новом качественном уровне поэзии, встающей лицом к лицу с новыми коллизиями времени.

Показательным и, вместе с этим, новым явлением в текущей литературной жизни является книга Д. Деркембаева «Анатомия души». В предисловии к книге Ч. Айтматов отметил: «Действительно, так история распорядилась, что многие наши соотечественники проживают вдали от Родины, подвергая себя, своих близких различным испытаниям. Эти испытания не проходят бесследно и должны быть выражены на листе...»⁸. Символично, что автор поэтического сборника, киргиз, подобно листку дерева, заброшенный с Востока на Запад ветрами перемен, испытывает муки творчества и выражает их на русском языке. Таковы лики современной культуры эпохи глобализации. По большому счёту в истории литературы Кыргызстана не было эмигрантской литературы, теперь она даёт свои первые ростки. Насколько живучими и художественно полнокровными они окажутся, покажет время. Вот только заметим, что ведущими мотивами книги Д. Деркембаева являются «край родной и любимый», ностальгия по земле отцов. Свободный и бренный лист тоскует об узах родного древа, чьи живительные соки вспоили, вдохновили и с болью отпустили его в свободный полёт в благодатные, но чужие края. Творческая, философская мысль лирического героя Д. Деркембаева не всегда воплощается в гармоничную и адекватную эстетическую форму, но в искренности, равнодушии, сострадании и вере в Высокое автору книги не откажешь.

В первые десятилетия XXI века наряду с признанными писателями стали публиковать произведения и представители «среднего» и «младшего» поколения, сформировалось литературное молодёжное объединение «Ковчег».

Наконец, серьёзной книгой заявило о себе «потерянное» поколение пятидесятилетних. Сборник стихов и текстов Т. Джолдошбекова и М. Рогожина «Полинезия. Вероятностная модель медитации» зеркально представляет два взгляда, художественных метода осмысляющих своё время представителей одного поколения. Однако способы отражения современной эпохи у авторов разные.

Сборник стихов Т. Джолдошбекова представляет, в сущности, лирический дневник, рассказывающий о движении чувств и мыслей человека в стремительном беге времени. Поэт, опираясь на традиционные стихотворные формы и образы, трансформируя их в своём поэтическом мире, создаёт лирические произведения любовной, гедонистической, социальной тематики, порой поднимаясь до медиативной лирики, будоража умы читателей философско-психологическими вопросами человеческого бытия.

М. Рогожин в своей части книги, имеющей показательное название «Вероятностная модель медитации», создаёт свои тексты в эстетических традициях художественных направлений символизма и сюрреализма, в духе культур модернизма и постмодернизма. Ассоциативные и насыщенные символикой тексты строятся на «потоке сознания» лирического героя и выражают пограничные психологические состояния, возникающие на грани сознательного и подсознательного. Произведения М. Рогожина, в какой-то степени, соотносятся в литературе Кыргызстана с «Авангардистскими стишками» К. Джусубалиева и творчеством Ш. Токомбаева. В сочинениях названных поэтов находит своё выражение общемировое движение литературы в сторону дальнейшего углубления индивидуализации авторского сознания и форм его выражения.

Сборник Т. Джолдошбекова и М. Рогожина, несмотря на непохожесть художественного почерка авторов, представляет определённое целостное единство, открывая многообразный и многогранный мир социального и духовного бытия человека, заброшенного в круговорот истории в «проклятое время перемен». В бедламe жизненных ристалищ и политических баталий поэтический голос этого поколения был едва слышен. А они, бродяги и поэты, заглушая в вине и водке жизненную неустроенность и вселенскую поэтическую тоску, уходя от беспредела жизни,

⁸ См.: Деркембаев, 2006. с.5.

стремились к Настоящему и творили свою Полинезию; стоя на грешной земле, мечтали об Эдемском Граде, в котором:

Любой из нас мыслитель и поэт,
Сидим без суеты и без оглядки,
Не поминая лихом прошлых лет,
Счастливые, и всё у нас в порядке.
А коль застолье надоест, ну что ж,
По лунным прогуляемся аллеям,
Увидим, как струится звёздный дождь,
И перед красотой обомлеем.
Потом ещё один случится день,
А с ним ещё чего-то будет много,
Но лишь бы не растаял мой Эдем,
И чтобы нас никто уже не трогал.

Поэты уходят в философско-психологические глубины человеческого «Я», погружаясь в «вероятностную модель медитации».

Пришло время, и они высказались: зло и социально, цинично и романтично, философски и психологично, заявив о себе как уже состоявшиеся поэты со своими поэтическими мирами. На перепутьях жизненных судеб они не потеряли главного – индивидуальной сущности, и, что так трудно в наше время, не ввали в своей поэзии, рассказывая о близком и далёком, друзьях и врагах, любимых и потерянных, о бескрайних мирах, которые дерзновенно пытается постичь поэтическое Слово.

Книга Таланта Джолдошбекова «Полинезия» во многом автобиографична и эгоцентрична, и в этом отношении вполне оправдывает слова А. Блока «Лирика – "я" поэта, его макрокосмос». Вместе с тем своеобразие стихов Таланта Джолдошбекова в событийной насыщенности, возможно, также исходящей из автобиографичности.

Структура сборника вполне соответствует реалиям времени. Книга состоит из глав, раскрывающих определённые вехи жизненных и творческих поисков автора: *Часть вступительная*. Определение субстанции; *Часть следующая*. Фрунзе – Бишкек; *Часть иная*. Под знаком девы; *Часть непоследняя*. Больше чем поэт. Симптоматична последняя глава «Доходная» и приложение к книге в качестве диска, в которые включены авторские тексты к песням, написанным на заказ. В художественном отношении они гораздо хуже собственно поэтических текстов. Но такова сущность песенного жанра и законы выживания в современном мире массовой культуры.

Стихотворения Т. Джолдошбекова объединены художественной концепцией, открывающей многообразный и многогранный мир социального и духовного бытия человека, заброшенного в круговорот истории, во времена перемен, живущего на стыке веков и культур, не случайно одному

из стихотворений предшествуют в качестве эпиграфа слова великого японца Акутагавы: «Назвать деспота деспотом всегда было опасно. В наши дни настолько же опасно назвать рабов рабами».

Т. Джолдошбеков выразил в своём творчестве урбанистическое мироощущение поколения восьмидесятых, формировавшееся в микрорайонах маленького и уютного Фрунзе, где были зелёные двory, а карагачи были символом жизни, где вода поздней весной растекалась из арыков по тенистым аллеям, а запах цветов в преддверии лета дурманил, пьянил и никак не утолял жажду жизни. Они жили во Фрунзе, живут в Бишкеке и мечтают о *Полинезии*. Они из Фрунзе, оставшегося лишь в памяти «девственным осколком счастья».

Стихотворения, вошедшие в главы «Под знаком Девы» и «Больше чем поэт», наиболее лиричны и психологичны, не лишены определённого романтического флёра. Они могут быть интересны читателям разных поколений и не нуждаются в историко-культурных комментариях, ибо они всечеловечны. Думается, что именно любовная и медиативная лирика Т. Джолдошбекова представляет наибольший художественный интерес, а значит, не потеряет свою эстетическую значимость с течением времени.

Современная литература Кыргызстана выражает мироощущение человека XXI века – эпохи глобализации и интенсивного развития коммуникационных технологий. Естественно, что в ней отражаются характерные тенденции современного информационного общества эпохи постмодернизма.

Культура постмодернизма стремится к синтетическим формам, в поэзии это, зачастую проявляется в попытке преодоления «чистой выразительности», в поиске изобразительных возможностей, как самого слова, так и визуальных средств других видов искусства, синтезирующихся с художественной речью. Телевидение, Интернет, новые информационные технологии приводят к изменению образной картины мира, в которой всё более и более доминирует визуальные образы, притом рассматриваемые в монтажно-клиповом ряду. Именно в этом направлении развивается творчество Наристе Алиевой, представившей в сентябре 2010 года в Национальном музее изобразительных искусств Кыргызстана персональную выставку с символическим названием «Аутопсия слова», содержанием которой явился своеобразный синтез видеопоззии, компьютерной графики и цифровой анимации. Однако несмотря на новые формы выражения, основным предметом поэзии по-прежнему остаётся внутренний мир человека, переживающего свою судьбу «Над бездной времени», столь обострённо ощущающего своё одиночество в глобальном мире информационных технологий.

Показательным представляется то, что в произведениях молодой поэтессы, сформировавшейся в постсоветскую эпоху в урбанистической среде, не наблюдаются национальные образы мира, а художественный мир, созданный русским словом, находится, скорее, в контексте западноевропейской и американской художественной культуры, представленной именами Ван Гога, Сальвадора Дали, Томаса Элиота, У. Фолкнера, Д. Сэлинджера, Альфреда Эдуарда Хаусмана, Сильвии Плат.

Творчество Наристе Алиевой, видимо, представляет собой литературу глобально-информационной цивилизации, неизбежно наслаивающейся и переосмысляющей традиционную культуру, к которой уже можно отнести и эпоху модернизма, всё-таки верившей, в некие незыблемые ценности, скептически рассматриваемые современным миром.

Литературное объединение «Ковчег», вышедшее из литературных семинаров, проводимых Фондом Чингиза Айтматова, активно заявило о себе рядом общественных акций, объединив под своим крылом молодых прозаиков и поэтов, совершенно различной творческой направленности, но стремящихся к одному – творческой самореализации. Среди «ковчеговцев» можно выделить поэтов Алтынай Джуманазарову (пожалуй, наиболее самобытная творческая личность в данном

объединении), Кристину Убайдуллаеву (её стихи, безусловно опирающиеся на классические традиции русской литературы, отличаются профессионализмом выражения лирического мироощущения), Дмитрия Сагайдага (амбициозного поэта, прокладывающего свою стезю в русской литературе Кыргызстана).

Информационное общество раскрывает новые возможности творческого самовыражения личности. Молодое поколение достаточно активно публикует свои тексты в Интернете, в частности, в наиболее популярном интернет-издании «Новая литература Кыргызстана». Тексты самые различные по художественным достоинствам, но объединяющим фактором их является авторская свобода самовыражения и стремление к диалогу с читателями, прежде всего посредством интернет-форумов. Представляется, что медийная литература будет оказывать всё возрастающее влияние на литературный процесс, поиски современной литературы новых форм художественного выражения личности и мира.

Современность в художественном дискурсе прозы Кыргызстана

В XX столетии литература Кыргызстана прошла интенсивный путь, приведший в начале XXI столетия к новому уровню художественного мышления, до конца ещё не осмысленного современным литературоведением.

Вопрос о месте личности в общественно-культурном движении является одним из наиболее спорных, поскольку сложна и едва ли до конца постижима сама человеческая суть в её многомерных взаимоотношениях с окружающим миром и людьми. Однако есть личности, сумевшие в художественных символах и метафорах передать знаки Времени, исторические судьбы народа. Для Кыргызстана такой личностью явился Ч.Т. Айтматов.

Творческий путь Ч.Т. Айтматова от классицистических конфликтов и романтических устремлений, драматического осмысления коллизий исторического развития к философско-психологической проблематике трагизма бытия человека в мире высветил путь национальной культуры XX столетия. Художественный мир Ч.Т. Айтматова свидетельствует о том, что культурные пласты прошедших времён не исчезают бесследно, оставаясь в «долговременной» памяти народа, историко-культурном наследии, передающемся из поколения в поколение посредством слова, в котором запечатлеваются уходящие времена. Концептуальным в этом отношении является роман Ч.Т. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» – заветное слово писателя традиционной культуры в эпоху её кризиса.

В художественной структуре произведения выявляются историко-культурные пласты: природный – мифологический и религиозный – классический – социально-детерминированный – информационно-глобальный. А сама эклектическая многослойность художественной структуры произведения вполне соотносится с культурой постмодернизма.

Последний роман Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» на кульминационном перевале жизни высветил творческий путь писателя, в котором как отражение в горном озере, запечатлелись страницы культуры кыргызского народа в контексте мировой цивилизации.

Анимация, ярко представленная в предыдущих произведениях кыргызского писателя, вновь включена в архитектуру художественной структуры романа «Вечная невеста». Полярное сопоставление мира природы и цивилизации, описание основных образов, олицетворяющих их, выявляется уже на первых страницах произведения: «Единственное, что можно было бы

предположить, пытаясь всё же постичь непостижимое, разве, – так это некую астрологическую взаимосвязь двух существ, о которых будет повествование, их космическое родство, в том всего лишь смысле, что могли они родиться, волею всё тех же судеб, под одним знаком зодиака. А что, могло быть и так...»⁹

Авторская мысль неторопливо течёт от истоков – *при-род-ы*, первобытной культуры, выраженной в мифах и обрядах, к прагматической цивилизации XXI века. Именно в данном контексте высвечивается святой образ вечной невесты, которая «пребывает в вечном покаянии за людской мир, и в этом глубина и сила её любви и горя... в ней выплеснулся мученический клик вселенского страдания... ностальгический мотив любви...».

Роман пронизывает свойственная Ч. Айтматову повествовательная рефлексия, заключающая в себе глубоко философское начало.

Мир природы и цивилизации осмысливается Ч. Айтматовым в их изначальном единстве и борьбе за существование, творение жизни и выживание в ней.

Узнаваем сочный стиль художника-анималиста Ч. Айтматова, хорошо знающего повадки животных. Видимо, здесь сказались отзвуки ментальности кочевой культуры и знания профессионального зоотехника. Старый, умудрённый опытом барс на исходе своей судьбы ещё борется за существование, вспоминая животрепещущее биение жизни в молодости, сотворение новой жизни – «вселенской музыки жизни», ради существования которой надо отдать на заклятие свою, единственную. И поэтому «ревел и рычал» он, срывая свою злость, боль и тоску по былому. И то был его реквием по жизни.

Борьба за существование животного мира является своеобразной метафорой социальной жизни человека, в которой есть свои хищники и отшельники, «все эти мелкие паразиты – шакалы, лисицы, барсучьё, ...скандальные базарные стервятники».

Арсен Саманчин – герой-идеолог, этим напоминает образ Авдия Каллистратова из романа «И дольше века длится день...». Подобно Авдию, он идеологический изгой, находящийся в поисках истины – вечной невесты. Именно Арсену Саманчину автор доверяет выражение своих философско-публицистических мыслей.

Авдий Каллистратов в романе «Плаха» искал *своего Бога*, прежде всего, в себе. Арсен Саманчин – носитель генетической памяти этноса, выраженной в данном случае в легенде о Вечной невесте. Посредством её автор направляет читательскую мысль по историческому пути кыргызского народа, в котором выделяются определённые культурные стадии.

Драматические судьбы кыргызского народа на пути обретения государственности находят своё отражение в описании исполнении обряда, посвященного Вечной невесте, по разные стороны горной вершины: китайской и кыргызской. Единый народ разобщён государственными границами, драматическими перипетиями исторической судьбы, борьбы за выживание этноса, но в нём по-прежнему теплится огонёк, зажжённый когда-то на заре человеческой мысли в поэтически-мифологической форме.

Обогащённый культурной мыслью классического мирового искусства, огонь этот горит в душе Арсена Саманчина. Он мечтает поставить легенду о вечной невесте на оперной сцене. Однако во времена массовой культуры мечта становится неосуществимой.

Таким образом, культурологическая мысль автора объемлет культурные пласты: *природного* – *народного* – классического – массового. Каждому из этих пластов соответствует определённый стиль повествования. Кинематографическим методом монтажа автор чередует их, строя свою художественную концепцию.

⁹ Айтматов, 2008, с.20.

Миф о вечной невесте излагается ритмической речью, а песня, посвященная ей, построена по законам народной лирической песни, с характерными для неё изобразительно-выразительными средствами: метафорами, олицетворениями и художественными повторами. Отметим, что народная традиция эпического сказа явно проявляется в повествовательной манере всего романа Ч. Айтматова. Это видно, например, в функционально стилизованных речевых повторами, авторском предварении развития сюжетного действия, в построении ритмической и пространственно-временной структуры произведения. Очень часто речевые акты начинаются в романе с союзов, предназначенных сохранять пластичность и преемственность повествования.

Изложение Арсеном Саманчином легенды-притчи о Вечной невесте представляет из себя своеобразное описание оперного либретто и заставляет вспомнить период становления кыргызского профессионального музыкально-драматического искусства. Истоки происхождения легенды о Вечной невесте в творческом сознании Ч.Т. Айтматова требуют отдельного, дополнительного исследования. Заметим лишь, что её сюжетная линия схожа с сюжетами первых драматических произведений кыргызской литературы: К. Джантошева «Карачач» и М. Токобаева «Горемычная Какей», стихотворения С. Карачева «В осенней ночи», повести А. Токомбаева «Тайна мелодии». Вместе с тем отметим, что в легендарном сюжете Ч. Айтматова, в сравнении с другими, ступенькается социальный элемент и на первый план выдвигается его вневременной характер.

Однако это с лихвой окупается при изображении реалий современной социально-экономической жизни. Повествование приобретает публицистический характер, явно выражена горькая авторская ирония, порой доходящая до сарказма. Особенно остро она звучит в размышлениях главного героя о днях сегодняшних.

С середины произведения убыстряется темп повествования, в большей степени используются диалоги, сюжетное действие приобретает больше динамики. В художественную ткань романа включается приключенческий элемент, с актуальнейшей для современности проблематикой терроризма. Монтажные эпизоды сменяются чаще, порой трансформируясь в клип, кадры которого должны донести до читателя авторскую идею.

Там, в пещере горной вершины, откуда и проистёк родной народ, встретились на исходе своей жизни барс-отшельник и человек-изгой общества, представитель эпохи уходящей.

Они вернулись к истокам, чтоб быть отпетыми Вечной невестой, и чтобы там, в предсмертный час понять, что нет Правды, есть только извечный путь Истины. И потому, как в легенде о птице Доненбай из романа «И дольше века длится день...», звучит призыв Вечной невесты: «мученический клик вселенского страдания... ностальгический мотив любви» по недостижимому.

В художественную структуру романа в качестве эпилога включен рассказ «Убить – не убить». Задуманный и осуществлённый как отдельное произведение, он достаточно органично лёг в идейно-содержательный контекст произведения, заостряя вопрос о нравственном выборе, стоящем перед человеком во все времена. Сегодня пронизательными выглядят строки из P.S. к рассказу, а по сути – ко всему роману «Когда падают горы» («Вечная невеста»): «Но читатели остаются всегда, как при жизни автора, так и – ещё больше – после его смерти... И слышу я зов Вечной невесты, о которой так много рассказывал покойный Арсен Саманчин! И я с ней...»¹⁰

С творчеством Ч. Айтматова связано не одно поколение читателей, он смог воплотить в нём историю кыргызского народа и по праву памяти останется в ней, пока неизбежно художественное Слово. Ч. Айтматов в романе «Вечная невеста» вновь возвращается к поиску духовных истоков человечности, стремясь внести свою лепту в извечную дорогу к Истине, смысла земного бытия.

¹⁰ Айтматов, 2008, с.264.

К проблемам планетарного масштаба Ч. Айтматов выходил через национальное мирозерцание, посредством извечного Слова ставя «проклятые» вопросы человеческой жизни на пути постижения смысла смерти. И в этом непреходящее значение его творчества.

В эпоху глобализации цивилизационные механизмы раскручивают ритм жизни, что неизменно сказывается на пульсировании современного искусства, характеризующегося эклектикой, монтажным и клиповым мировидением, сложными ассоциативными связями и вместе с тем ориентацией на массового читателя.

В этом отношении из наиболее заметных явлений последнего времени можно отметить роман К. Акматова «Архат». Изменение мироощущения и творческого метода писателя можно проследить при сравнении романа «Архат» с произведением писателя «Время земное», увидевшим свет в 80-е годы XX столетия.

В реалистическом социально-психологическом романе «Мезгил» («Время земное») посредством выражения внутреннего мира героев и личностных коллизий в вихре исторических событий раскрывается драматическая судьба кыргызского народа в начале XX века, его взаимоотношения с Россией накануне кардинальных революционных исторических событий 1917 года.

В произведении «Архат» К. Акматов более свободен, он не ограничивает себя рамками традиционного реалистического письма, расширяя не только пространственно-временные, но и культурологические и мировоззренческие пласты произведения. На смену реалистическому «самодвижению жизни» в данном случае приходит эклектический монтаж, религиозно-мистическое мироощущение в глобальном мире цивилизации. Обратим внимание, что героями книги являются не только авторские образы, или реальные люди и исторические личности, но и персонажи книг других авторов. Таким образом, в художественный мир книги входит и своеобразная виртуальная реальность современного информационного общества, а судьба кыргызского мальчика рассматривается в самом глобальном «мировом масштабе».

В монографии И.Д. Лайлиевой «Киргизский роман на рубеже XX – XXI веков» отмечается, что в кыргызской романистике наблюдаются характерные черты культуры постмодернизма. Анализируя роман К. Акматова «Архат», И.Д. Лайлиева констатирует: «Современный роман стал раскрепощеннее в жанрово-стилевом отношении. Диффузия жанров и стилей, их смешение, стирание определённости характерно для литературных поисков на рубеже веков. Всё меньшее внимание уделяется чистоте стиля и приёма, а в художественном пространстве произведения сталкиваются реальность и фантазия, приземлённость и тайна, загадка, мистицизм и парение духа»¹¹.

Дальнейшее направление творческой деятельности К. Акматова направлено на раскрытие остроактуальных проблем современности. При этом делается это в формате присущем современной массовой литературе.

Роман «Тринадцать шагов Эрики Клаус» отражает современные реалии действительности, осваивает новые темы, в частности международного терроризма и коррупции, ставит извечные проблемы власти и личности. Однако, как нам кажется, делается это в достаточно умозрительной и неубедительной форме, далёкой от реалий национальной жизни накануне XXI век. Возможно для инационального читателя, незнакомого с традициями и менталитетом народа роман может вызывать интерес и даже принят как достоверное повествование о современности Кыргызстана. Для соотечественников автора, представляется очевидной заданность сюжетной линии, возможно и с целью создания определенной притчевой ситуации, но не реализованной на уровне поэтики. Да и стиль писателя, даже с учётом ориентации на массового читателя, оставляет желать лучшего.

Повесть «Шахидка» напротив, в русском переводе Сабырбека Куручбекова презентована на высоком художественном уровне и в отношении психологической глубины выражения характеров,

¹¹ Лайлиева, 2009, с. 53 – 54.

драматичности изображения человеческих судеб (особо хотелось бы отметить своеобразные остросюжетные и жизненные новеллы о Самсонове Петре Никитиче и Данииле Григорьевиче Черкашине), и в стиливом «обрамлении» произведения, пронизанного лирико-элегической интонацией.

Публикации произведений К. Акматова свидетельствуют, что и на пути издания произведений ориентированных на массового читателя писателя могут ожидать как творческие удачи, так и неудачи, а сама отнесённость книги к массовой литературе не означает её изначальной ущербности.

Столкновение различных идеологических установок, относительная (по сравнению с советской эпохой) свобода слова привели к многоголосию различных изданий, отражающих интеллектуально-духовные потребности различных социальных и идейных групп. Расширился тематический, жанровый и эстетический диапазон современной литературы Кыргызстана.

В начале XXI века в прессе и книгоиздании получают распространение судебно-криминальные и социально-бытовые очерки, религиозно-мистические трактаты и статьи, рассказы эротического характера, являющиеся выражением запросов массового читателя, ориентированного на гедонистическое, потребительское сознание или ищущего новые морально-нравственные ориентиры в условиях идеологической и духовной смуты.

Расширение возможностей для более непосредственного выражения личности, бесцензурность изданий, либерализация общественных взглядов, ситуация «итога века» ведут к распространению мемуарно-биографической литературы. Показательна в этом отношении серия «Жизнь замечательных людей Кыргызстана».

Современный литературный процесс свидетельствует о дальнейших многообразных творческих поисках русскоязычных писателей Кыргызстана и, не побоимся утверждать, о её выходе на новый качественный уровень.

Проведем обзор наиболее заметных и симптоматичных художественных произведений современного литературного процесса.

И.Д. Лайлиеву по праву можно считать родоначальницей «женской прозы» Кыргызстана на русском языке. В художественных произведениях известного литературоведа «Сладкая жизнь как она есть», «Уикэнд в Чикаго», «Звезда ночного эфира» предстала галерея образов-характеров современниц, утверждающих себя как свободные личности, ищущих своё место под солнцем в сумрачное время перемен.

В романе "Полёт бабочкиИ ". Лайлиева продолжает разрабатывать образ современной женщины. Полёт бабочки неизбежно привлекает взор человека. Может, потому, что в этом крохотном насекомом явственно проявляются метаморфозы жизни, превращение неподвижного кокона в свободно порхающее существо, вбирающее в себя многоцветие окружающего мира. Не случайно бабочка стала одним из излюбленных образов мировой литературы, особенно восточной поэзии, которая видела в ней символ жизни – страстной, яркой, многоцветной, изменчивой, быстротечной и бральной. В литературе Центральной Азии образ мотылька, сгорающего в пламени свечи, подразумевал страстную любовь, а в суфистской символике – религиозное экстатическое единение с божественной сутью.

Мастерство истинного художника слова заключается в собственном видении явлений жизни, умении в обыденном увидеть высокую эстетику и донести её до читателя. В произведении «Полёт бабочки» И.Д. Лайлиева увидела в традиционном образе бабочки воплощение женской судьбы, страждущей тепла и любви, исполнения мечты, несмотря на треволения жизни. Читатели произведений И.Д. Лайлиевой имеют возможность увидеть в шелесте страниц – крыльев книги – современную жизнь, отражённую с разных сторон.

В романе «Полёт бабочки» представлены и реалии социально-политической жизни Кыргызстана, и чувствительность женского мировидения, и романтическая мечта об иной жизни.

И.Д. Лайлиева – писатель, интересующийся остроактуальными проблемами социального бытия человека, пытающийся осваивать новые вызовы национальной жизни. Свидетельством тому является роман «Мигранты, или Everything is possible» – художественно-публицистическое повествование о судьбах современников. Композиционно роман выстроен по принципу коллажа: несколько параллельно развивающихся сюжетных линий должны дать широкую панораму социально-политической жизни Кыргызстана в мировом контексте. В художественную структуру романа И. Лайлиева включает публицистические статьи, политические и экономические размышления, лирико-публицистические размышления. В этом отношении роман вполне соответствует эклектичности культуры постмодернизма. Однако сам стиль писателя остаётся вполне традиционным, а разработка характеров социально детерминирована. Сюжетные линии пересекаются лишь в заключительном эпизоде, который разворачивается в аэропорту «Манас». При этом всех героев ждёт Хэппи-энд, столь любимый современным шоу-бизнесом, к которому можно отнести и феномен массовой литературы.

В 2007 году в Москве увидела свет первая книга победителя Международного литературного конкурса «Русская премия» Т. Ибраимова. Известный в Кыргызской Республике кинематографист опубликовал на рубеже XX – XXI веков на страницах журнала «Литературный Кыргызстан» повести «Плакальщица», «Гнездо кукушки», «Старик», «Ангел» и был замечен литературоведами и литературными критиками. В 2007 году пришло признание за пределами страны. Повести писателя отличаются драматизмом повествования (видимо, сказывается профессия драматурга), знанием национального киргизского менталитета, вскрытием социально-нравственных проблем современной жизни и тонкой иронией изложения жизненного материала. Художественная речь писателя максимально приближена к реальности, в ней нет ханжества и приукрашивания, но за «циничным» реализмом ощущается безграничная вера в духовную мощь человека.

Первой повестью Т. Ибраимова увидевшей свет был «Старик». Главный герой из повести Талипа Ибраимова воплотил в себе трагедию талантливых людей, так и не состоявшихся в годы «застоя», не востребованных и в новые времена, в которые правят твёрдо стоящие на земле посредственности – эгоистичные, циничные и лицемерные, служащие своим меркантильным целям. Старик был рождён Титаном, а прожил жизнь в лицемерном обществе, среди чуждых людей, растрчивая свою мощь и талант, жил в плену идеологических иллюзий, трусовато стараясь не высовываться, а жизнь клокотала рядом – суровая подлая сука, показавшая своё истинное лицо на исходе его судьбы. Старик познал любовь, и былая мощь заиграла в своей природной основе, откликаясь на молодость, правдивость и понимание. Он познал любовь без фальши и лицемерия, человека понявшего и принявшего его, познал, чтоб обжечься – это была любовь воровки и убийцы. В его жизни ничего не было по-настоящему своим: ни жены, ни детей, ни друзей, ни творчества... Что осталось? Только экзистенциальный бунт, обречённый на проигрыш

Талип Ибраимов – писатель, чутко чувствующий человеческую боль, сострадающий «униженным и оскорблённым», на дне жизни видящий высоту человеческого духа. Драматические штрихи судеб «маленьких героев» из повести «Ангел» раскрывают панораму социальной жизни людей, оказавшихся на обочине истории. Героиня повести «Ангел», как по замкнутому кругу, ходит по переулкам родных грязных трущоб, по народной иронии называемых Лондоном, с неизбывным стремлением вырваться отсюда, если не самой, то хотя бы брату открыть вход в иную жизнь. И остаётся только молиться, что ниспошлёт Всевышний, а может Судьба, или Случай ангела, который вытащит из этого болота, и начнётся новая жизнь... Вот только ангелы на небесах...и им не до человеческих страстей...и расхлёбывать заваруху приходится самим, благо, что и в самом «последнем» человеке, горит искра, зажжённая неведомо кем, побуждающая

поступать, нет, не как ангелы, а как люди, обречённые, но мечтающие и жертвующие ради ближних своих.

Талип Ибраимов мастерски владеет различными формами повествования. Например, повесть «Гнездо кукушки» написана сквозь призму трепетно хрустального внутреннего мира убогой – немой женщины, нашедшей счастье и дарующей тепло окружающим.

Однако какую бы форму повествования ни избрал Т. Ибраимов, художественный мир его произведений не теряет своей объёмности и пластичности. Во многом это удаётся за счёт удачно выстроенных мизансцен и диалогов, панорамных описаний пейзажей. Думается, в этом проявился талант Т. Ибраимова – драматурга, позволяющий выстраивать не только выразительный, но и изобразительный ряд.

Поражает жизнеутверждающий пафос произведений, входящих в сборник «Простите меня». При этом писатель изображает жизнь без прикрас, со всеми её социально-нравственными проблемами, драматическими и комическими коллизиями, романтическими устремлениями и ироничными словоформами. Однако при этом и в обыденном видится ему божественное, через слёзы очищения дарится надежда, заливающаяся серебряным колокольчиком, а «Женщина у стремени» всадника становится символом всёпобеждающей жизни. Глубоко национальная стихия жизни в её общечеловеческом звучании ярко выражена в повести «Женщина у стремени», в которой автор обращается к природным первоосновам *Homo sapiens*, любовью творящего жизнь.

На соискание «Русской премии» за 2008 год Т. Ибраимов представил повесть «Простите меня», она прошла первый тур и была включена в лонг-лист, что само по себе является признанием её художественных достоинств. Главный герой повести Асан, в миру – «Простите меня», выписанный в гуманистических традициях русской литературы XIX века, прежде всего, ассоциируется с образом *идиота* Ф.М. Достоевского. «Асан, – как охарактеризует его один из сильных мира сего, – почти слабоумный, но он знал из опыта истории, что в мозгах именно таких блаженных прячутся истины, недоступные для людей здравого ума». Герой повести Т. Ибраимова не смог жить в мире зла и насилия, где честь не в чести и правит бал «золотой телец». Трагический финал произведения органически вытекает из повествования, реалистически раскрывающего социальные реалии и конфликты современной жизни. Однако тонкий юмор и вера в силу человеческих деяний окрашивают произведение жизнеутверждающим пафосом, мерцающим сквозь драматизм социального бытия человека.

Жизнь постигается смыслом смерти. Неслучайно одним из древних жанров искусства слова являются плачи. Древнетюркская литература оставила высокохудожественные образцы плачей, воплощающих в себе жизнь исторических лиц. Примером тому может служить «Элегия на смерть Алп Эр Тонга».

Т. Ибраимов воплощает генетическую и историко-культурную память народа в повести «Плакальщица», ставшей своеобразной песней-плачем по драматической судьбе кыргызского народа в XX веке. Национальная жизнь раскрывается посредством изображения перипетий личностных судеб в оковах социально-политических катаклизмов – всё это создаёт широкую, а, главное, глубоко осмысленную панораму исторического пути народа, лейтмотивом которого звучит плач по несбывшимся надеждам, по невозвратным потерям, опустошённой душе:

Дыхание коней, как белый туман,

Глаз луны закрыло.

Слёзы мои, как чёрный туман,

Глаз солнца закрыло.

Горе моё тяжелее земли,

Не знаю – скрыться куда?

Горе моё лютее зимы –

Убита, растоптана душа...

Безусловно, в этой повести проявились элементы романного мышления писателя.

«Запах Джиды» – запах Родины – неизбытен в душе, где бы ты ни находился, чем не занимался. «Сары-Булак» – отчий дом писателя в центре повестей «Запах Джиды» и «Женитьба Фигаро». Глубоко национальная основа жизни, патриотический пафос произведения строится на основании народной смеховой культуры. С тонким юмором и ироничным прищуром писатель изображает драматические страницы истории киргизского народа, представители которого в поисках лучшей судьбы вынуждены бороздить просторы мира и издалёка ностальгически вспоминать запах Джиды – вкус Родины. «Сары-Булак» под пером Талипа Ибраимова становится метафорой Кыргызстана, переживающего нелёгкие времена. Однако пока жива историческая память, горит свеча в отчем доме, и рождаются дети, есть надежда, а кризис – это лишь «Пауза для вдоха» перед обновлённой жизнью.

Сборник «Простите меня» свидетельствует о многосторонности художественного дарования Талипа Ибраимова. Суровое и правдивое изображение социально-политической жизни, драматической истории киргизского народа и личностных судеб, психологии современников находят адекватные стилевые формы. Художественная речь писателя максимально приближена к реальности, в ней нет ханжества и приукрашивания, и вместе с тем она удивительно поэтична и метафорична. Для прозы Т. Ибраимова характерен сложный синтез эпичности повествования, драматичности изображения человеческих судеб и лиричности авторского мироощущения.

В центре художественного мира, созданного Т. Ибраимовым, – Человек – «маленький Человек», порой чудаковатый бечара, но с безграничной душой, грешный и страдающий, раскаивающийся и творящий жизнь.

Показательна для литературного процесса XXI века книга А. Иванова «Чужой крест», в которую вошли произведения различных жанров. Рассказы, написанные в разные годы, отличаются глубоким психологизмом и драматизмом сюжета, что приближает некоторые из них к новеллистическому жанру.

Венчает книгу роман «Чужой крест». Возьмем на себя смелость утверждать, что это лучшее произведение А. Иванова в числе десятка опубликованных им книг. В романе ощущается автобиографическое начало. Сквозь призму повествования о судьбах главных героев автору удалось достоверно передать исторические перипетии XX – XXI, тяжким крестом накладывавшиеся на судьбы людей, участь которых нести «крест свой» на свою Голгофу, а если переложишь его на плечи других, то не миновать расплаты – кармы тебе и потомкам твоим. В реалистическое, по сути, повествование А. Иванов не боится включать различные художественные средства. Это и аллегории, берущие своё начало в литературе Античности и Средних веков: «Тем временем ангелы, участвующие в возникновении их союза и охраняющие их от нападков тёмных сил, потеряли бдительность и то ли вздремнули со скуки, то ли отлучились куда-то. А свято место пусто не бывает. Бесы давно уже потирали ручки, слушая, как разметались эти двое, как прикидывают они планы относительно своей безоблачной жизни. Значит, им мало той напасти, которую они подстроили Nike? Что ж, будут ещё и ещё бесово племя включать в игру по полной программе»¹². Не чуждается писатель и мистики, являющейся своеобразной формой более глубокого выражения психики героев и непознанного человеком таинства жизни. А заключительные строки вполне соотносятся с современной литературой постмодернизма: «А по

¹² Иванов, 2009, с.426.

дорогам планеты, где шоссейным, а где железнодорожным, охватывая как можно больше обжитого людьми пространства, безостановочно мчится весёлый, разудалый поезд, в котором ангелы становятся чертями, черти ангелами – в зависимости от обстоятельств. Кто-то из них селится на время в том или ином краю, чтобы всё позапутать в людском сообществе, довести до краха, а потом исчезнуть, смыться и возникнуть в другой части света с теми же задачами и целями. Мчится и мчится поезд, неся большие и малые потрясения, постепенно расшатывая нашу Землю, сдвигая её с оси. И всё так же на подножке срединного вагона маячит размашистая фигура Женьки Веприкова, похожего на политрука Ключкова, бессмысленно угрожающего небесным пассажирам гранатой...»¹³.

В конце XX века А. Иванов опубликовал повесть «Верхом на облаке», вызвавшую большой резонанс в республике. Представляется, что новый роман также станет заметным явлением в современном литературном процессе, поскольку он выражает историко-культурные реалии и эстетические поиски литературы рубежа веков. Заметим, что роман «Чужой крест» отличается творческой свободой самовыражения, а это является одним из главных достижений литературы конца XX и начала XXI столетия.

Рассказы Дмитрия Ащеулова (его сборник рассказов «Шесть часов из жизни Червякова» также входил в лонг-лист литературного конкурса «Русская премия» за 2006 год) «Бальтазар Неверро» и «Кара господня» выражают мироощущение культуры постмодернизма. Фантазмагоричные, полные абсурда и апокалипсической «печати обречённости», рассказы выражают и в то же время пародируют массовую культуру эпохи, «когда кончалась тысяча первая ночь этого безумного города». Надо заметить, что автор, строя фантастически-сатирическую и апокалипсическую художественную картину мира, идёт от абсурда самой жизни «потребительской цивилизации» XXI столетия, приходящей на смену традиционной культуре.

Современная литература Кыргызстана на русском языке выражает кризисную эпоху рубежа веков. Возможно, она выйдет из неё духовно обновлённой, но сохраняющей традиции мировой культуры, либо литературой, отражающей новое техногенное общество массовой культуры. Как там будет? Покажет время.

Бесспорно одно. Жизнь продолжается, а значит, будет и Слово, трактующее и осмысляющее её, ищущее смыслы и передающее опыт и мировидение от поколения к поколению, создающее историю и культуру народов.

Заключение

Рубеж XIX – XX веков поставил перед кыргызским обществом исторический вопрос поиска социально-экономического и политического пути развития, нравственно-идеологических и духовных ориентиров. Это не могло не сказаться на многообразии идейно-эстетических тенденций литературного процесса конца XX века, проявляющихся как в поиске новаторских изобразительно-выразительных средств, способных наиболее адекватно отразить современность, так и в поиске нравственно-идеологической опоры в историко-легендарном прошлом кыргызов.

¹³ Там же, с. 524.

Существенное влияние на функционирование современной литературы Кыргызстана на русском языке оказывает ситуация «итога» рубежа веков, пришедшаяся, кроме всего прочего, на кардинальные изменения социальной жизни и духовных поисков общественного сознания. Кризисные явления, носящие глобальный мировой характер, усугубляются в Кыргызстане социально-экономической неустроенностью и неуверенностью в завтрашнем дне. Всё это отражается на идейно-тематическом содержании литературы, в которой всё ярче и драматичнее звучат мотивы «заката культуры». Однако надо заметить, что мотивы эти в отдельных произведениях воплощаются в достаточно высокохудожественной форме, свидетельствующей о том, что «волнующее движение жизни» по-прежнему выражается в Слове, ищущем смыслы жизни в новых формах её проявлений.

Литература Кыргызстана на русском языке отличается значительным своеобразием, обусловленным функционированием в «азиатском круге», на изломе эпох и культурных традиций. Своеобразие геополитической и этнографической среды обитания, возвращение на стыке культурных традиций русского мира и азиатского бытования наложили неизгладимый отпечаток на мироощущение писателей, творящих свою жизнь и произведения на евразийских просторах.

В творчестве современных русскоязычных писателей Кыргызстана центральноазиатская литература не осмысливается как чужая, они живут в данной культурной традиции, которая стала частью их мироощущения. Поэтическое сознание русских художников слова Центральной Азии, пусть и не без противоречий, переплавляет поэтическую «руду» эпох и культур, выражает личностное мироощущение Поэта, заброшенного в Евразийский простор в эпоху глобализации и сущностных общественно-культурных сдвигов.

Тема Востока в русской поэзии Кыргызстана в конце XX – начале XXI века (В. Шаповалов, С. Сулова, А. Никитенко) получает совершенно новое освещение (философско-эстетическое у С. Суловой, постмодернистское в поэзии В. Шаповалова, социально-лирическое в стихотворениях А. Никитенко). В творчестве значительнейших современных русских поэтов Кыргызстана центральноазиатская культура не осмысливается как чужая, их творческое бытие осуществляется в контексте данной культурной традиции, сложном синтезе российских и восточных мирозерцательных основ.

Русский дискурс литературы Кыргызстана выявляет поиски национальных мировоззренческих и эстетических основ современной кыргызской литературы и своеобразие функционирования искусства слова в глобальном информационном обществе.

Рост национального самосознания и дальнейшее развитие взаимосвязей различных народов ведут к активизации исканий писателей Кыргызстана. В информационном обществе процессы взаимопроникновения культур проходят более интенсивно. Вместе с тем, ориентация на массовую аудиторию приведёт, вероятно, к возникновению новых форм искусства, в основе которых будут наднациональные информационные образы мира. Однако глубинные пласты этнокультурного видения мира останутся в памяти и художественной практике национальных литератур.

Литература Кыргызстана на русском языке на протяжении тысячелетий запечатлела поиски личностью своего места в мире и историко-культурную эпоху в нарративе художественного сознания. В ней много социального, особенно в художественной прозе, но, вместе с тем, она, наиболее ярко в поэзии, выражает индивидуализацию и отчуждение личности в современном мире глобализации и кризиса культуры.

Информационное общество раскрывает новые возможности творческого самовыражения личности, в частности, в наиболее популярном интернет-издании «Новая литература Кыргызстана», интернет-форуме «diesel.kg». Тексты самые различные по художественным достоинствам, но объединяющим фактором их является авторская свобода самовыражения и стремление к диалогу с читателями, прежде всего посредством интернет-форумов.

В общем обзор литературы Кыргызстана на русском языке начала XXI века свидетельствует о том, что художественное слово по-прежнему выражает «волнующее движение жизни», делая сиюминутную жизнь вечной, опалая небесным светом суетность человеческого бытия.

Список литературы

1. ШАПОВАЛОВ В.И., 2004, Контексты перевода. Статьи разных лет, Бишкек, с. 26.
2. ШАПОВАЛОВ В.И., 2001, Касым Тыныстанов как зеркало культурной революции // Касым Тыныстанов и отечественная культура истории XX века: Материалы юбилейн. науч. конф., посв. 100-летию К. Тыныстанова, Бишкек, с. 62–69.
3. АЙТМАТОВ Ч.Т., ЛИПКИН С.И., 2003, Поэзия в человеческом пространстве // Шаповалов В. В Азийском круге: Избр. Т. 1. Бишкек: Архи, с. 7–8.
4. ШАПОВАЛОВ В.В., 2011, Чужой алтарь. Бишкек: Турар.
5. СУСЛОВА С.Г., 2009, Акварели осеннего неба. Стихотворения. Бишкек, с. 7.
6. ДЕРКАМБАЕВ Д., 2006, Анатомия души. Франкфурт-на-Майне.
7. СУСЛОВА С.Г., 2010, Отчаяние Храбрости. Поэзия Наристе Алиевой// Алиева Н. Над бездной времени. Стихотворения и проза, Бишкек, с.5.
8. АЙТМАТОВ Ч.Т., 2008, Когда падают горы (Вечная невеста). Санкт-Петербург: «Азбука-классика», с. 20.
9. ЛАЙЛИЕВА И.Д. 2009, Киргизский роман на рубеже XX–XXI веков. Бишкек, с. 53–54.
10. ИВАНОВ А.И., 2009, Чужой крест: Рассказы, повесть, роман. Бишкек, с. 298.
11. АЩЕУЛОВ Д., 2008, Два рассказа. Бальтазар Неверро. Кара господня //Литературный Кыргызстан, № 1.с. 96.